
ПАВЕЛ СКОЧКО
ЧУЖИЕ КЛЯТВЫ
ВОЛЯ ВЗАЙМЫ
КНИГА 1

Павел Скочко

Чужие клятвы.
Книга 1. Воля взаймы

«Автор»
2026

Скочко П.

Чужие клятвы. Книга 1. Воля взаймы / П. Скочко — «Автор», 2026

Чужие обещания переживают своих хозяев.Вместе с ними остаются знания и мастерство. Можно принять наследие и получить чужой опыт. Взамен придётся закончить дело, на которое прежнему владельцу не хватило жизни.Я бы от такого не отказался. Я не умею читать, зато умею торговаться за медяк и спать под дырявой крышей. А ещё мне десять, и я собираюсь стать магом.Только хватит ли мне собственной жизни на чужие обещания?

© Скочко П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 17
Глава 3 25
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Павел Скочко
Чужие клятвы. Книга 1. Воля взаймы

Глава 1

Я проснулся от холодной капли, скатившейся за ворот.

Просыпаться отчаянно не хотелось. Я втянул голову в плечи и натянул одеяло до самого уха, прижавшись спиной к Брику. Тот сонно заворчал, но не отодвинулся. Под одеялом было тепло, ноги наконец согрелись. Полежать бы ещё немного.

Следующая капля попала в щёку.

Я вытер лицо рукавом и отвернулся, но уткнулся в мокрое. Пришлось приподняться и ощупать куртку, которую с вечера подложил вместо подушки. Рукав промок насквозь. Под ним намок и мешок.

Ну вот. Теперь ещё и куртку сушить.

Я сел, придерживая одеяло у груди, и посмотрел наверх. Сквозь дыру возле балки серело небо. По краю доски набухла капля, повисела и сорвалась прямо ко мне на колено.

Вчера мы с Бриком закрыли эту дыру. Он подавал снизу куски черепицы, а я укладывал. Ещё ладонью проверил: ни одной щели не осталось. Теперь один кусок съехал, а второго вообще не было видно.

– Брик.

Он натянул одеяло на голову.

– Брик, течёт.

– Знаю.

– Откуда?

– Мне тоже капнуло.

Я толкнул его в плечо.

– Двигаться надо.

Он высунул голову, щурясь, посмотрел на крышу и сел рядом. Одеяло сползло, и по ногам сразу потянуло холодом. Я сунул ступни под мешок, где ещё оставалось тепло.

– Сдуло, – сказал Брик.

– Я же говорил, кирпич нужен.

– А кто за ним не пошёл?

За кирпичом не пошёл я. Мы тогда уже спустились, и лезть обратно не хотелось. Да и дождя ещё не было. Я подумал, до утра полежит.

Брик потянул край мешка, заглянул под него и поморщился.

– Солома тоже мокрая. Вставай.

Я помедлил, придерживая одеяло, но Брик уже поднялся на корточки и тянул мешок из-под меня.

– Ну, Тер!

Пришлось подняться. Я повесил куртку на обломанный сук в балке, подальше от капель.

Мы жили в заброшенной красильне, на чердаке. Внизу уцелели стены, а здесь хотя бы часть крыши осталась. Спали вдоль кирпичной стены, возле старой печной трубы. Дальше крыша провалилась, и там лежали почерневшие доски вперемешку с черепицей. Летом можно было устраиваться хоть посреди чердака. С дождями мы придвинулись к стене, потом ещё немного, а теперь двигаться было почти некуда.

– Мира, ноги убери, – попросил Брик.

Она что-то пробормотала, не просыпаясь.

– Мира.

– Чего?

– Подвинься.

– Там остальные.

– Ну разбуди.

Она приподняла голову и посмотрела на нас так, будто мы нарочно встали пораньше, чтобы ей помешать. Я показал мокрый мешок.

– Нам льёт прямо на голову.

Мира вздохнула и полезла будить остальных. В нашей шайке было шестеро ребят. Жили сами, без взрослых. Мне, Брику и Мире было по десять, остальные младше. Только попробуй Келю сказать, что он маленький!

Пока они возились и ругались, мы оттащили мешок от стены. Солома под ним потемнела и прилипла к доскам. Я выбрал сухую, сгрёб поближе к остальным подстилкам, а мокрую отодвинул ногой. Брик принёс из угла пустой горшок и поставил под капель.

Вода звонко стукнула в дно.

– Только этого не хватало, – сказала Мира.

Брик бросил внутрь горсть мокрой соломы.

– Так лучше?

Она легла обратно, даже не ответив.

Устроиться удалось, но теперь мне пришлось поджать ноги. Брик лежал вплотную, и одеяла едва хватало, чтобы прикрыть бок. Я осторожно потянул его на себя.

– Не стягивай, – сразу сказал он.

– У меня бок голый.

Брик поворочался, расправил сбившийся край и подоткнул его между мной и мешком. Стало лучше. Только куртку под голову класть больше не хотелось.

– Надо доску, – сказал я.

– У бондаря есть. Вчера навес разбирали.

– Он даст, как же.

– Спросим.

Обычно Брик предлагал спрашивать, только если унести без спроса никак не получалось.

– Там длинные, – пояснил он. – Через забор не вытащим. И собака.

Собаку я помнил. Небольшая, лохматая, издали совсем не страшная. Зато под телегой её не видно, пока за ногу не схватит.

– Можно за работу, – сказал я. – Двор убрать.

– Посмотрим.

Снаружи скрипнули колёса. Мы замолчали, прислушиваясь. Телега проехала по переулку, кто-то крикнул на лошадь. Значит, уже утро. Скоро в рыбном ряду начнут раскладывать товар, а возле пекарни соберутся за вчерашним хлебом.

В животе сердито заурчало. Я перевернулся на другой бок, стараясь не стянуть с Брика одеяло.

– Сначала к пекарне, – сказал Брик.

Я представил корку, которую можно долго жевать, пока идёшь. Иногда на ней оставалась мука, и тогда пальцы потом тоже можно было облизать.

– Тогда вставай.

– Только легли.

– Без нас всё разберут.

Брик с досадой выдохнул и откинул одеяло. Я полез за башмаками, а он снял мою куртку с балки и протянул мне сухим рукавом вперёд.

Второй рукав холодно прилип к запястью. Я попробовал оттянуть его, но стало только хуже.

Сегодня доску надо было достать обязательно.

* * *

Мы пробрались к лестнице между щелями в полу. Днём их было хорошо видно, а в темноте можно было провалиться ногой. Внизу у лестницы не хватало трёх ступенек: их давно сожгли. Вместо них подставили широкую колоду. Я шагнул на неё, держась за лестницу, и спустился на утоптанную землю. Брик следом.

Внизу пахло мокрой золой. Вдоль стен ещё стояли кирпичные очаги, только котлы, в которых прежде красили ткань, вытащили задолго до нас. На одном очаге мы разводили огонь, когда удавалось добыть дрова. Вчера не удалось.

У двери меня догнала Мира. На плечи она накинула мешок с прорезью для головы.

– Вы куда?

– Доски искать. И к пекарне.

– Мы с Нелой к рыбным пойдём. Если дадут, возьмём на всех.

Я кивнул. У рыбных хорошо было оказаться до того, как почистят первый улов. За грязную работу давали головы и мелочь, которую не брали покупатели. Поздно придёшь – останется только выпрашивать.

– Кель с Сивом опять к воротам? – спросил Брик.

– Не знаю. Кель ещё спит.

– Разбуди. Вдруг сегодня обоз.

Мира поёжилась, убрала руки под мешок и вернулась к лестнице. Мы вышли во двор.

Дождь почти кончился, но с крыш лило так, что приходилось выбирать, где пробежать. Возле стены красильни я остановился и вытряхнул камешек из башмака. Брик тем временем нашёл палку и ткнул в забитую канаву. Вода с бульканьем пошла вниз по переулку, унося щепки и капустный лист.

Мы подобрали по обломку коры и пустили их по воде: чей кораблик первым доплывёт до поворота. Мой сразу застрял под забором. А Брик побежал за своим, подталкивая его палкой.

Он так увлёкся, что не заметил телегу. Колесо попало в лужу, и Брику плеснуло на штаны. Я захохотал, а возчик прикрикнул уже на меня:

– С дороги!

Я отскочил к забору. Когда телега проехала, мы перебрались на другую сторону переулка и пошли к пекарне, вверх от реки. За новым забором зеленели грядки. Ещё прошлой весной мы бегали здесь напрямик, а теперь приходилось обходить. Дальше на месте сгоревшего дома уже стоял новый, пониже прежнего. Только красильню так никто и не взялся чинить.

У пекарни уже ждали. Две женщины с корзинами стояли у окошка, старик сидел под навесом, засунув руки между коленями. Вчерашний хлеб продавали дешевле свежего, а совсем обгорелые куски иногда выносили в старом решете. Мы пришли за ними.

Решето было пустым.

Брик приподнял его, будто хлеб мог оказаться снизу, и поставил обратно.

Из двери показалась Аста. Рукава у неё были закатаны по локоть, на щеке белела полоска муки.

– Чего стоим? – спросила она. – Нет ничего.

– Совсем? – уточнил я.

Она молча перевернула решето.

Оставалось уходить, но из пекарни так пахло, что я задержался. У двери лежала круглая буханка с чёрным боком. Её отложили на отдельную доску, и я успел подумать, что Аста нас обманывает. Потом она разрезала буханку, поскребла ножом корку и положила половину на весы.

Даже горелое сегодня продавали.

Брик дёрнул меня за рукав. Я уже пошёл за ним, когда Аста окликнула:

– Эй, двое. Зола нужна?

Брик обернулся первым.

– На что?

– Мне-то она ни на что. Бадью вынесете за огороды – дам хлеба.

– Сколько? – спросил я.

Аста взяла вторую половину горелой буханки и показала нам.

Мы с Бриком переглянулись.

Бадья оказалась почти полной вчерашней золы. Вдвоём мы кое-как подняли её за ручки, донесли до задней калитки и поставили. Я распрямил пальцы. Через двор прошли шагов двадцать, а до огородов было гораздо дальше.

– Не унесём, – сказал Брик.

– Унесём. Отдыхать будем.

Он посмотрел на узкую мокрую дорожку за калиткой и покачал головой.

– Уроним ещё. Погоди.

Брик сходил обратно и вернулся с пустым ведром. Аста разрешила пересыпать золу и носить за несколько раз. Я хотел сразу набрать полное, но он остановил:

– По половине. Иначе опять встанем.

До огородной ямы мы ходили по очереди. Пока один тащил ведро, другой собирал просыпавшуюся золу. Прилипала она ко всему: к пальцам, к штанам, к мокрому рукаву. На втором заходе мне стало жарко, и я расстегнул куртку. На третьем пожалел, что не спросил хлеба побольше.

Аста дождалась, пока мы сметём остатки со двора, велела сполоснуть руки и отдала обещанное.

Под навесом Брик разломил хлеб на два куска. Я посмотрел на его кусок, потом на свой.

– У тебя больше.

Он протянул мне свой.

Я взял. С этой стороны корка оказалась толще и почти чёрной. Пока решал, стоит ли меняться обратно, Брик уже откусил от моего.

Мы поели у тёплой стены. Я обдирал корку ногтем и прятал от дождя ладонь с крошками. Потом перестал обдирать: горелый хлеб тоже был хлебом, а кусок заканчивался слишком быстро.

Когда мы ушли, голод притих, зато ныли пальцы. Я сжал кулаки в карманах. За это время можно было трижды сходить к бондарю.

* * *

Его ворота стояли открытыми. Собака спала под телегой, положив морду на лапы, и я на всякий случай остановился снаружи.

Доски лежали вдоль забора. Широкие, длиннее меня, почти без трещин. Если бы такую положить над мешками, можно было бы спать хоть поперёк.

Бондарь вышел из мастерской с деревянной кружкой и кивнул на собаку.

– Не дразните.

– Мы не дразним, – сказал Брик.

– А чего надо?

– Доску можно? – спросил я.

– Купить можно.

– Старую.

– Новую я тебе и не предлагаю.

Он отпил из кружки. В мастерской стучали молотком.

– Мы двор уберём, – предложил я.

– Убрали уже.

Двор и правда был чистым. Зачем под дождём подметать, непонятно. Всё равно грязь нанесут.

– Воды принесём.

Бондарь кивнул на полную бочку под желобом.

Брик незаметно наступил мне на носок. Я отодвинул ногу.

– А что сделать?

– Ничего. У меня работник есть.

Из мастерской снова стукнули. Бондарь поставил кружку на подоконник и пошёл внутрь, но у двери оглянулся:

– Щепу можете взять. Вон из корзины. Доски не трогать, я сарай перекрывать буду.

Щепа тоже была нужна, только не для крыши.

Мы набили ею карманы. Собака подняла голову, проводила нас взглядом и опять улеглась.

За поворотом Брик прислонился к стене.

– Говорил же, не даст.

– Ты говорил: спросим.

– Ну спросили.

Я поправил куртку. Один из обрезков упирался остриём в живот.

– Ночью можно, – сказал Брик.

– А собака?

– Хлеба ей бросить.

– Сам бросай.

Брик помолчал. Тратить хлеб на собаку ему тоже не хотелось.

– У пристани поищем, – предложил он наконец. – Там мостки чинили.

От бондаря мы пошли к городским воротам, но перед очередью из телег свернули в переулок вдоль стены. Он спускался к реке. На башне меняли караул; мокрый плащ одного из стражников хлопал на ветру. Я задрал голову, пытаясь разглядеть, что у него в руках, и чуть не наступил в конский навоз.

Брик успел дёрнуть меня за ворот.

Мы обогнули угол стены и вышли к реке. Здесь тянуло холодом. Выше по течению виднелся мост с башнями на обоих концах. На том берегу стена поднималась по склону к старой крепости. Туда я ещё ни разу не ходил. Чтобы попасть на мост, надо было сначала пройти ворота на нашей стороне, а нам у пристани хватало дел.

Мы свернули к складам у пристани. Перед весовой выстроились телеги. Под навесом стояли большие весы. Двое работников по очереди укладывали на них мешки с передней телеги, а писарь записывал результат. Возчики торопили его, но он только отмахивался.

У первого склада на камнях лежал мокрый тюк. Мужчина в кожаном переднике держал над ним раскрытую ладонь. Из ткани выступали капли, собирались в дрожащие нити и стекали в ведро. Мужчина медленно поворачивал руку, а его помощник переворачивал тюк багром.

Я остановился. Вода стекала, хотя тюк никто не давил. Вот бы с курткой так.

Брик потянул меня дальше.

– Пошли. Нам ещё доски искать.

– Сейчас.

Я пошёл за Бриком, но ещё раз оглянулся. Мужчина уже опустил руку и вытирал лоб, а помощник подсовывал ему следующий тюк.

У нужных мостков новых досок оказалось много. Старых не было совсем. Мы заглянули под лестницу, обошли кучу камня и даже спросили у грузчика. Тот махнул рукой куда-то вдоль

берега. В указанном месте стояла телега, доверху гружённая деревом. Двое парней постарше нас таскали доски из телеги в открытые ворота.

Здесь доски разгружали, а не выбрасывали. Мы пошли дальше.

Я уже думал, что придётся возвращаться с одной щепой, когда за углом склада грохнуло.

На камнях лежал щит, сбитый из коротких досок. Одна поперечина треснула. Работник спустился по лестнице, пнул щит, чтобы тот не мешал проходу, и полез обратно к окну.

Я ткнул Брика в бок и показал на щит. Доски широкие, а длины нам хватит.

Мы подождали, пока работник отвернётся, и подбежали.

* * *

Гвоздь поддался не сразу. Я тянул доску вверх, а Брик стоял на поперечине обеими ногами. Дерево скрипело. Когда гвоздь наконец вышел, я едва не сел в грязь.

– Ещё одну, – сказал Брик.

– Вы чего тут ломаете?

Я отпустил доску.

В дверях склада стоял широкоплечий человек с обмотанным тряпкой запястьем. На поясе у него висели ключи.

– Тут уже сломано, – объяснил Брик.

– А разрешил кто?

Мы промолчали. Человек посмотрел на окно, потом на щит.

– Отойдите. Сейчас сверху ещё прилетит.

Мы послушно отошли, но совсем уходить не стали. Следующий щит рабочий спустил по лестнице целым и поставил к стене. Человек с ключами подождал, пока он вернётся наверх, и снова повернулся к нам.

– Что стоим?

– А можно эти? – спросил я. – Которые сломанные.

– На растопку пойдут.

Я потрогал щепу в кармане. Хотел предложить её взамен, но вряд ли за две горсти дали бы целую доску.

Со двора за складом крикнули:

– Освен! Не достать, сюда иди!

Человек с ключами выругался себе под нос и пошёл на голос. У угла остановился, посмотрел на нас ещё раз.

– Ты, мелкий. Под настил пролезешь?

Я не сразу понял, что он обращается ко мне: мы с Бриком были почти одного роста.

– Под какой?

– Пойдём покажу.

За складом телега стояла вплотную к высокому деревянному помосту. Двое мужчин придерживали на ней бочку. Над бочкой свисали верёвки подъёмного ворота. Третий работник лежал животом на помосте и шарил рукой в щели между досками.

– К самому столбу закатилась, – сказал он, поднимаясь. – Сбоку видно. Дай лом, снимем доску.

– Потом на что грузить будете? – спросил Освен. – Она по краю вся трухлявая. Начнёшь ломать, половину настила разберёшь.

Он присел у помоста и поманил меня. Под нижней балкой оставалась щель, куда я мог пролезть на животе. Дальше было чуть просторнее. В сумраке чернели столбы, блестела вода, валялись обломки дерева. За ближним столбом лежало что-то светлое. Снаружи до него рукой было не достать, а длинную палку мешал просунуть сам столб.

– Видишь железку с кольцом? Это от ворота. Без неё бочку не поднять. Достанешь – дам доску.

До железки было не так уж далеко, но под настил пришлось бы забраться целиком.

– Две, – сказал я.

– Одной мало?

– Нам крышу закрыть.

Освен оглянулся на мужчин возле бочки.

– Ладно, две. Из сломанного щита.

– С гвоздями, – добавил Брик.

– Да хоть с занозами. Лезь уже.

Я снял куртку и сунул Брику. Щепа посыпалась из карманов. Он подхватил куртку обеими руками, а я лёг на живот и попробовал протиснуться под балкой.

Спиной прошёл, но зацепился штанами. Брик освободил ткань, придержал острый край доски, и я прополз дальше. Ладони сразу увязли в мокром песке. Под животом было холодно. Я приподнялся на локтях, насколько позволял настил, и потянулся к железке.

Пальцы не доставали совсем немного.

– Ну? – спросили снаружи.

– Погоди, – пропыхтел я.

Я продвинулся ещё, упёрся плечом в столб и дотянулся до кольца. Оно было скользким от грязи. Я подцепил его двумя пальцами, потянул на себя, и тут железка выскользнула, звякнула о камень и скрылась в воде.

Я замер.

Снаружи Освен спрашивал, достал ли я. Отвечать не хотелось. Я сунул руку в воду, пошарил по дну. Нащупал камень, размокшую щепку, что-то мягкое и поспешно отдёрнул ладонь.

– Тер, чего там? – позвал Брик.

– Упала.

– Куда?

– В воду.

– Далеко? Рукой достанешь?

Я чуть не огрызнулся, чтобы он сам полез. Под настилом стало темнее: Брик заглядывал в щель, закрывая свет.

– Не вижу. Не заслоняй.

Он отодвинулся. Я снова полез пальцами в грязную воду и нашёл кольцо. Оно лежало дальше, чем раньше. Подцепить его не получалось: стоило коснуться, железка уходила в песок.

– Палку надо, – сказал я. – С крючком.

Брик исчез. Я лежал, упираясь носками башмаков в землю, и старался не опускать живот. Руки уже дрожали от напряжения, рубаха липла к коже. Снаружи ругались, потом застучали железом по дереву.

Мне казалось, прошло очень много времени.

– На, – наконец сказал Брик.

В щель просунулся обломок поперечины с торчащим из конца гвоздём. Гвоздь был загнут.

– Дай сюда.

– Поверни боком. Я камнем подбил.

Я перехватил деревяшку и нащупал свободной рукой кольцо. Потом подвёл гвоздь. Он скользнул мимо. Со второй попытки зацепился, но я потянул слишком резко и опять потерял железку.

– Не идёт? – спросил Брик.

– Идёт.

На третий раз я тянул медленно, придерживая кольцо пальцами. Железка выползла из песка. Тяжёлая, толще моего большого пальца, с отверстием на другом конце. Я подтащил её к себе и засунул за пояс, чтобы не потерять.

Выбираться задом оказалось неудобно. Штаны снова зацепились за край доски. Брик потянул ткань на пояснице, пытаясь её высвободить. Я дёрнулся, а он хлопнул меня по ноге и велел лежать спокойно.

Когда я наконец вылез, Освен протянул руку. Я отдал железку. Освен вытер её краем фартука и тут же передал работнику.

Тот ушёл к вороту. Щёлкнуло железо, заскрипело дерево. Бочка медленно поднялась с телеги на натянувшихся верёвках.

Я встал и понял, что рубаха промокла до самого пояса. Ветер сразу забрался под неё.

– Доски, – напомнил я.

Освен уже собирался уходить. На мой голос он обернулся.

– Пойдёмте, выбирайте.

К щитам мы пошли втроём. Брик нёс мою куртку, прижимая к ней собранную щепу. Освен сам оторвал вторую доску, осмотрел трещину на конце и отложил её. Вместо неё снял другую, покрепче.

– Эту возьмите. Ту при первом ударе расколете.

Брик сразу потянулся к оставшимся гвоздям.

– Можно?

– Можно. Только под ногами не сыпьте.

Я стоял, обхватив себя руками, пока Брик выковыривал из щита ещё два гвоздя. Один пришлось выбивать камнем. Освен посмотрел на мою рубаху.

– У меня в конторке жаровня. Иди обсохни, пока он возится.

Я хотел отказаться. Доски уже отдали, а вдруг за жаровню придётся что-нибудь делать? Но меня так трясло, что я только кивнул.

* * *

Конторка была отгорожена от склада досками. У стены стояли стол и табурет, на гвозде висел плащ. Освен перевернул пустой ящик и подвинул к жаровне.

– Сядь. Близко не суйся, прожжёшь.

Я сел. Протянул к углям руки, потом оттянул от живота рубаху. От неё пошёл пар. В тепле закололо пальцы, и только тут я заметил, что содрал кожу на двух костяшках.

Освен перебирал листки на столе. Вошёл работник и спросил, куда ставить бочки. Они немного поспорили и ушли. Я остался один.

На столе лежал недоеденный пирог.

Я старался смотреть в жаровню. На срезе пирога виднелись кусочки мяса и поджаренный лук.

Дверь оставалась открытой. Со своего ящика я видел кусок двора и конец доски, которую Брик прислонил к стене.

Если отломить с края, будет заметно.

Я перевернул руки ладонями вверх. Кожа на пальцах побелела и сморщилась. Хотелось засунуть их под мышки, но там было мокро.

В конторку заглянул Брик.

– Ты чего тут?

– Сушусь.

Он подошёл к жаровне и присел рядом. Я подвинулся, освобождая половину ящика. Брик тоже увидел пирог. Мы помолчали.

Потом он достал гвозди и выложил их на колено.

– Четыре. Два длинных, два коротких. Выпрямить только.

Я потрогал один. Хороший гвоздь, почти целый. У нас такого не было. Черепицу мы вчера просто прислонили к обрешётке.

– Чем забивать?

– Камнем.

Я подумал о том, как буду держаться за балку, придерживать доску и ещё махать камнем. Наверное, Брику придётся тоже лезть наверх.

Вернулся Освен и сел к столу. Брик сгрёб гвозди в карман, а я отвернулся от пирога.

– Вы откуда такие? – спросил Освен, отламывая кусок.

– С красильни.

– С какой?

Я объяснил: ниже рыбного ряда, у самой реки, где над крышей торчит обломанная труба. Он кивнул.

– Знаю. Там ещё живёт кто?

– Мы.

– Много вас?

– Шестеро, – ответил Брик.

Освен пожевал, вытер пальцы о тряпку и придвинул к себе листок.

– А Лодочный переулок знаете?

Я посмотрел на Брика. Тот пожал плечами.

– Не слышал, – сказал я.

– Был когда-то. Сапожник там жил, мне его найти нужно.

– До пожара? – спросил Брик.

– Похоже на то.

До пожара мы с отцом и матерью жили ближе к городским воротам, тоже снаружи стены. Три года назад, когда у границы снова начались бои, огонь дошёл до нашего посада. Родители тогда погибли. Мне было семь. Я ещё помнил двор, лестницу на второй этаж и окно, которое мать не позволяла открывать. Дорогу домой знал, а название переулка не спрашивал. Когда спохватился, спрашивать уже было некого.

– У пристани надо узнать, – сказал я. – Там старые лодочники сидят, за весовой под навесом. Они всё обсуждают, кто помер, кто куда делся.

– Мне некогда по старикам ходить. Склад на три дня снял, а товар всё ещё не разобрал. Завтра к полудню с баркой уйду. Потом когда сюда попаду...

Он постучал пальцем по листку и вдруг посмотрел на меня.

– Возьмётесь?

Брик поднял голову.

– За сколько?

– Два медяка, если найдёте. Только чтобы я с ним сам поговорил.

Освен ткнул в листок.

– Ремар. Сапожник. В переулке было три дома, его средний. У него ещё яблоня во дворе росла. Запомнили?

Я повторил имя про себя. Ремар. Сапожник. Яблоня.

– А если он умер? – спросил Брик.

– Тогда найдите того, кто знает, куда делась семья.

– Тоже за два?

– Тоже. Только чтобы я сам с ним поговорил.

Я уже хотел согласиться, но Брик первым сказал:

– Мы попробуем.

Освен кивнул и убрал листок.

– До полудня. Позже меня не будет.

Во дворе мы остановились возле досок. Рубаха ещё была сырой, но куртка поверх неё приятно грела. Я перехватил свою доску обеими руками.

– Надо сейчас к лодочникам, – сказал я.

Брик посмотрел на небо. Над рекой снова собирались тучи.

– Сначала это донесём.

– Они разойдутся.

– А если дождь? Опять спать стоя будешь?

Брик был прав, и от этого я злился ещё больше. Я уже представлял, как мы купим целую буханку. Свежую, без горелой корки.

– Кель с Сивом сходят, – сказал Брик. – Если уже вернулись.

Я кивнул. Мы подняли доски и пошли домой.

* * *

Нести доску оказалось сложнее, чем я думал. Под мышку доска не помещалась, а если положить на плечо, конец бил по стенам и прохожим. У рыбного ряда женщина схватила меня за рукав, развернула и долго объясняла, куда следует смотреть. Я извинялся и боялся, что она доску отберёт.

После этого мы сложили доски одну на другую и понесли вдвоём: я спереди, Брик сзади. У каждого поворота он говорил «стой», а я всё равно пытался повернуть раньше времени.

До красильни добрались, когда дождь снова начал накрапывать.

Мира с Нелой уже вернулись. На очаге стоял наш котелок, в воде плавали рыбьи головы. Рядом лежали две маленькие рыбки. При виде них опять свело живот от голода.

– Щепу давайте, – сказала Мира.

Мы высыпали на пол всё, что набрали у бондаря. Мира выбрала самые тонкие кусочки, а остальное отодвинула ногой от очага. Нела дула на трут, прикрывая его ладонями. Огонь никак не занимался. Я уже потянулся помочь, но Мира отвела мою руку. Ладно, у меня самого через раз получалось.

– А эти где? – спросил Брик.

– Кель у ворот. Сив спит. Он до рассвета у рыбаков воду из лодки вычерпывал.

Сив нашёлся наверху. Мы разбудили его и отправили к пристани, за весовую. Он возмущался, пока Брик не сказал про деньги. Тогда сел и попросил повторить имя.

– Ремар. Сапожник. Лодочный переулок, средний дом, – перечислил я. – И яблоня.

Сив повторил всё, кроме яблони. Я напомнил. Он повторил ещё раз и полез вниз.

Брик забрался на чердак, а я подавал ему доски снизу. Когда он перехватывал их руками, приходилось уворачиваться от нижнего конца. Одну всё-таки уронили. Она стукнула по лестнице, подняв пыль.

– Эй, осторожнее там! – крикнула Мира от очага.

Я подождал, пока пыль уляжется, и снова поднял доску.

Наверху Брик сразу полез к дыре. Я тоже собирался лезть, но он уже устроился на широкой балке и протянул руку.

– Подавай.

Я подал. Он попробовал уложить доску поверх обрешётки, потом повернул её и примерил ещё раз.

– Короткая.

У меня внутри всё опустилось.

– Как короткая?

– Сюда не достаёт.

Он показал. Если положить доску так, как мы задумали, один конец висел в воздухе. Держать его было нечему.

Я забрался на балку рядом. Внизу темнели наши мешки. В горшок уже накапало столько, что солома плавала.

– Поперёк попробуй.

– Тогда щель.

– Второй закроем.

Мы долго вертели доски. Оказалось, если положить их поперёк дыры, немного внахлёст, концы ложатся на уцелевшие планки. Оставалась щель у верхнего края, но туда можно было подсунуть черепицу. Я держал доску, пока Брик спускался за гвоздями и камнем.

Он забил первый гвоздь наполовину и погнул. Я выругался.

– Сам попробуй, – сказал он и протянул камень.

Я попробовал. По пальцу попал сразу, потом дважды по доске и только после этого по шляпке. Гвоздь загнулся ещё сильнее.

Брик ничего не сказал. От этого стало хуже.

Я сунул ушибленный палец в рот и огляделся. Рядом лежала длинная щепка с трещиной на конце. Я подобрал её и показал Брику:

– Давай сюда гвоздь вставим.

Мы вытащили погнутый гвоздь, распрямили на балке и взялись за дело вдвоём. Я придерживал его щепкой, а Брик бил маленькими ударами. И дело пошло. На второй доске управились быстрее.

Черепицу принесли из дальнего угла. Целых кусков почти не осталось; пришлось выбирать широкие обломки и примерять по нескольку раз. На этот раз за кирпичом я спустился сам. Взял половинку, без трещин, и передал Брику.

Когда всё было готово, я ещё немного посидел на балке, приходя в себя. Пальцы болели, под коленом ныла ссадина. Снаружи шуршал дождь. На досках выступили мокрые пятна, но вниз не капало.

– Ну? – спросил Брик.

Я прислушался.

– Вроде держит.

Он спустился первым. Я подождал ещё немного и тоже полез вниз.

* * *

К вечеру вернулся Кель. Принёс полрепы и длинный шнур, который нашёл у ворот. Репу Мира порезала в котелок, где уже варились обе рыбки. Шнур Брик сразу забрал наверх привязывать край одеяла к гвоздю, чтобы ночью не стаскивать друг у друга.

Сив пришёл пустой, голодный и злой.

– Нет там лодочников, – сказал он. – Сторож пристани один. Он не знает.

– Про переулок спрашивал?

– Спрашивал.

– И про сапожника?

– Спрашивал, Тер.

Я отодвинулся, давая ему место у очага. Он сел и сразу протянул руки к котелку, но Мира стукнула его ложкой по пальцам.

– Горячее.

На всех было четыре ложки. Пока мы с Бриком ели, Кель и Сив выбирали мясо из рыбьих голов. Потом поменялись. Суп пах рыбой и дымом. Я выловил кусочек репы и долго перекатывал во рту, прежде чем проглотить.

Мира разделила две рыбки. Мне достался кусок возле головы. Я долго выбирал из него косточки и обсасывал каждую.

После еды Нела задремала у очага. Мы поднялись наверх, пока ещё было видно лестницу. Мешок за день подсох; мокрую солому Мира вынесла во двор, а сухую распределила между

всеми. Соломы под мешком стало меньше. Мы вернули мешок к стене, под залатанную крышу. Теперь можно было вытянуть ноги.

Я лёг и посмотрел на две тёмные полосы над головой. Ветер пошевелил край черепицы. Где-то дальше капало на пол, но рядом было тихо.

Брик устроился возле меня и осторожно потянул одеяло. Шнур натянулся.

– Много не тяни, – сказал я. – Гвоздь выдернешь.

– Сам не тяни.

Мы немного полежали молча. После горячего супа хотелось спать, но я всё ещё думал о двух медяках.

– У Асты спросим, – сказал я. – Она давно здесь.

– Утром.

– А если и она не знает?

– У бондаря, – протянул Брик, зевая.

Мне не хотелось снова идти к бондарю. Но он точно жил в городе ещё до пожара: отец когда-то отдавал ему чинить кадку. Я помнил, как мы забирали её вдвоём. Отец нёс кадку на плече, а я придерживал, хотя до края едва доставал.

Наверное, спросить стоило.

– Только рано встанем, – сказал я. – До полудня надо найти.

Брик не ответил. С его стороны уже слышалось мерное посапывание.

Я ощупал мешок у стены. Сухой. Подложил куртку под голову и подтянул ноги под одеяло.

Завтра будить Брика придётся самому.

Глава 2

Аста вынесла решето и поставила на прилавок.

– Погоди, – сказал я. – Мы сегодня спросить пришли.

Она придержала дверь плечом.

– Спрашивай. Хлеб-то бери.

На дне лежали три корки и прилипший к ним кусок мякиша. Я сгреб всё, пока она не передумала. Брик взял у меня самую длинную корку и сразу надкусил.

– Сапожника ищем, Ремара, – начал я. – Он раньше в переулке жил… Брик, как его?

– Лодочный, – ответил Брик, проглотив корку.

– Не знаешь, где он теперь?

Аста вытерла ладони о фартук.

– Вам что-нибудь починить?

– Нет. Его человек ищет.

– Какой человек?

Я объяснил про Освена. Про два медяка говорить не стал. Аста слушала, поглядывая через плечо в пекарню, и я торопился, чтобы успеть до того, как её позовут.

– У него во дворе яблоня была, – добавил я.

– Так это старый Лодочный. За смоляным двором.

Брик перестал жевать.

– Там же пустырь.

– Три дома там было, все сгорели. Теперь сарай поставили, а за ним пусто. Яблоня ещё стоит. Вы где спрашивали?

– У пристани, – сказал Брик. – Сива посылали к лодочникам, только он их не застал. Сторожа спросил, тот не знает.

– Спроси бондаря, – сказала Аста. – Он Ремару кожу привозил. Может, и сейчас привозит.

Из пекарни крикнули её имя. Она забрала решето и ушла, а мы отступили от двери, пропуская женщину с корзиной.

Я протянул Брику ещё одну корку, последнюю оставил себе. Мякиш мы разломили пополам и доели по дороге к мастерской.

– Бондарю сам говори, – сказал Брик.

* * *

Во дворе мастерской пахло свежим деревом. Вчерашние доски убрали от забора, а поперёк ворот лежала новая балка. Мы перешагнули через неё и остановились. Собака выбралась из-под телеги, обнюхала Бриков башмак и пошла к двери.

Бондарь работал под навесом. Между коленями у него стояла бочка без дна. Он постукивал молотком по обручу, осаживая его ниже, и на нас не смотрел.

– Здравствуйте, – сказал я.

Он закончил, отложил молоток и поднял голову.

– Чего опять?

– Ремара ищем. Нам Аста сказала, вы знаете.

– Знаю.

Я подождал. Бондарь наклонился к бочке и провёл ладонью внутри.

– А где он?

– На постоялом дворе у Заречных ворот. Обувь чинит. Зачем вам?

Я рассказал про склад и про то, что Освен сегодня уходит с баркой.

– Ремару что передать велел? – спросил бондарь.

– Ничего. Только найти и привести. Он нам старый адрес дал, где яблоня росла.

Бондарь кивнул и встал, упёршись ладонью в край бочки.

– Мы к вам с отцом ходили, – сказал я и сам удивился, что заговорил об этом. – Кадку забирали. Давно, до пожара.

Бондарь прищурился, разглядывая меня.

– Младший?

– Я один был.

Бондарь потёр щёку.

– Значит, путаю.

Я помнил, как он тогда дал мне подержать обруч. Тяжёлый, ржавый, почти с меня ростом. Отец сказал не пачкать рубаху, а я уже испачкал. А бондарь даже меня не узнал. У него и теперь возле стены лежала целая связка обручей.

– Постоялый двор у дороги к границе? – спросил Брик.

– У неё. От меня по дороге к воротам пойдёте, только внутрь не заходите. Постоялый двор снаружи, справа от дороги. Большой, с колодой для лошадей.

– Где возчики ночуют? – уточнил я.

– Там. Войдёте во двор, конюшню обойдите. За ней лестница на второй этаж, под лестницей Ремар и сидит.

Я кивнул.

– Спасибо.

Мы уже повернулись к воротам, когда бондарь окликнул:

– Доску-то нашли?

– Даже две нашли, – ответил Брик.

– Вот и хорошо.

Он снова взялся за бочку. Мы перешагнули балку у ворот и вышли на улицу.

До Заречных ворот вела широкая дорога. По ней тянулись телеги, а вдоль обочин торговали с прилавков и прямо с земли. Я предложил срезать через проулок за лавками.

– Там же телеги, – сказал Брик.

– Да пройдём.

Между лавками стоял воз с капустой. С одной стороны к нему прижималась очередь, с другой оставался узкий проход. Я полез туда, но из лавки вышел парень с ящиком и велел отойти. За ним несли второй. Мы ждали, пока их погрузят, а когда воз тронулся, проход заняла следующая телега. Пришлось обойти весь ряд.

– Короче, как же, – проворчал Брик.

Я сделал вид, что не услышал.

У Заречных ворот толпились люди с корзинами. Стражник заглядывал под тряпки, прежде чем пропустить их внутрь. Оттуда можно было пройти к мосту и на большой рынок за рекой. Мы пересекли дорогу перед очередью и свернули к постоялому двору. В его воротах стояла телега; за ней я увидел водопойную колоду.

Солнце уже поднялось над домами посада. Я поторопил Брика: ещё нужно было довести сапожника до Освена, прежде чем тот уплывёт.

У водопойной колоды пила лошадь. Возле неё человек в расстёгнутом полушубке мыл сапог, поливая из ковша. Другой сапог он держал под мышкой. Брик замедлил шаг, но я потянул его за рукав.

– За конюшней.

– Вижу.

Обойдя конюшню, мы попали в проход между нею и жилым домом. Вдоль второго этажа дома шёл деревянный балкон с дверями в комнаты. На него вела наружная лестница. Под ней сидел человек с кожаным фартуком на коленях. На скамье возле него лежали сапоги, короткий

нож и моток толстой нитки. Он держал башмак подошвой к себе и вытягивал из него две нити сразу, широко разводя руки.

Мы остановились, чтобы не получить локтем.

– Ремар? – спросил я.

– Чего?

– Вас Освен ищет! – обрадовался я. – На пристани. Ему поговорить надо.

Сапожник перестал шить.

– Освен, который по реке ходит?

– Да, он. К полудню отплывает, так что надо скорее.

– Ну пусть едет.

Ремар упёр башмак в колено и потянул нить. Я ждал, что он хотя бы спросит, где стоит барка, но он только проверил пальцем шов.

Вот тебе и нашли! Пока мы шли, мне представлялось, что самое трудное – найти нужный двор. Дальше надо будет только показать дорогу.

– Он нас за вами послал.

– А я вас не посылал.

– Там недалеко, – вставил Брик.

Ремар поднял башмак за пятку.

– Человек без него уехать не может. Мне до полудня закончить надо. Скажите своему Освену: ему надо – пусть сам и приходит.

Он наклонился за шилом и замер, придерживая поясницу. Потом осторожно выпрямился.

– Подай-ка, – сказал он Брику.

Тот поднял шило с земли. Ремар взял его и уже не смотрел на нас.

* * *

Мы отошли за угол конюшни. Брик присел на пустую бочку.

– Всё. Пошли.

– А деньги?

– Скажем, где он. Мы нашли.

– Освен говорил, чтобы сам с ним поговорил.

– Ну вот и поговорит. Ноги есть.

За углом Ремар продолжал работать. Было слышно, как он постукивает по подошве.

– А если велит привести?

– Скажем, не идёт.

– И не даст.

Брик сдвинулся на бочке, освобождая мне место. Я не сел.

– Тогда что? Потянем его?

– Ты сходи за Освеном. Я здесь подожду.

– Зачем?

– Вдруг уйдёт.

– Он работать собирается.

– Сейчас собирается, а потом перестанет. Придём, а его нет. Где искать будем?

Брик посмотрел на меня снизу вверх.

– Сам сходи.

После ходьбы под коленом разболелась вчерашняя ссадина. Я хотел сказать, что он быстрее бегает, но это было неправдой.

– Ты дорогу к складу лучше знаешь. Вдоль стены.

– Ты тоже знаешь.

– Я вчера под настил лазил, теперь ты сбегай. Всё честно.

Брик скривился, но с бочки соскочил.

– Если Освен не пойдёт, я обратно не побегу!

– Пойдёт.

– Тебе-то откуда знать?!

Я не знал. Но Освен ведь не просто так нас послал.

– Он два медяка обещал, – сказал я. – Стал бы платить, если бы ему не надо было? Ты скажи, что нашли. Пойдёт.

Брик задумался.

– Ладно. Только сам никуда не уходи.

– Да куда я денусь?

Брик направился к воротам двора, а я вернулся к сапожнику.

Ремар поднял глаза.

– Ну?

– Он за Освеном пошёл.

Сапожник шумно выдохнул через нос и подвинул ногой деревянный ящик подальше от скамьи.

– Садись тогда. Только под руками не стой.

С ящика был виден выход во двор. Мимо меня Ремар не пройдёт. А если всё-таки пойдёт? За рукав его держать, что ли?

У него на фартуке скопились обрезки кожи. Хорошие, толстые. Один был как раз с дырку в моём башмаке. Я прижал ногу к ящику, чтобы дырку не было видно.

– А почему вы не хотите?

– Чего?

– К Освену.

– Я тебе сказал. Работа у меня.

– Он нам два медяка обещал.

Ремар помолчал.

– Мне он тоже обещал.

Я посмотрел на его руки. На среднем пальце была намотана кожаная полоска, под ногтем чернело. Он продел нить в отверстие и вытянул её коротким рывком.

– Денег не отдал?

– Наоборот. Взял.

Я сунул руку в карман, хотя денег там ещё не было.

Ремар подтянул нить и прижал подошву большим пальцем. Сколько же Освен взял? Сапожник нахмурился над швом, и спрашивать я не стал.

Над нами застучали шаги. Я поднял голову: по балкону второго этажа шёл босой мужчина, придерживая сползающие штаны. Он остановился у перил.

– Ремар! – крикнули сверху. – Готово?

– Нет ещё.

– Мне ехать!

– Так на одной ноге и поезжай!

Мужчина что-то буркнул и скрылся в комнате, хлопнув дверью. Я не удержался и хмыкнул. Ремар посмотрел на меня, и я поскорее отвернулся к выходу во двор.

Я переставил ящик ближе к углу конюшни. Теперь были видны ворота двора, но Брик всё не появлялся.

– Вы здесь каждый день? – спросил я.

– Почти.

– А дома не удобнее?

– Здесь люди с деньгами. Им ехать надо, а сапоги рваные. Дома кто ко мне придёт?

Человек, который мыл сапог, вышел из конюшни с лошадью. Теперь он был обут, только одна штанина оставалась закатанной. У ворот подтянул подпругу и вывел лошадь на улицу. Брик мог уже добраться до склада. А если Освен не пошёл? Брик ведь сказал, что тогда обратно не побежит. Сидеть мне тут до вечера?

– Долго он, – сказал я.

Ремар отложил башмак и потянулся за кувшином.

– Тебе воды?

Я кивнул.

Он налил в кружку. Вода пахла кожей, или это от его рук пахло. Я выпил и поставил кружку на землю.

Ремар взял со скамьи второй башмак и осмотрел подошву.

* * *

Первым я увидел Освена. Он шёл через двор, придерживая за полу расстёгнутую куртку. Брик торопился рядом и что-то говорил. Я выскочил им навстречу.

– Здесь?

– Здесь.

– Ну показывай.

Я повёл его к лестнице. Брик поравнялся со мной.

– Ну вот, пришёл, – прошептал я.

– Так я его уговорил.

Но Освен уже остановился перед скамьёй, и мы замолчали.

Ремар положил работу на колени.

– Нашёл всё-таки.

– Нашёл.

Освен оглянулся на нас.

– Подождите у колоды.

Я не хотел уходить, пока нам не заплатят, но Брик дёрнул меня за рукав. До колоды мы не дошли: свернули за угол конюшни и остановились возле пустой бочки. Освену нас отсюда видно не было, зато его голос я слышал хорошо.

– Он сразу пошёл? – тихо спросил я.

– Нет. Велел Ремара привести, ему некогда. Я передал, что тот сказал: кому надо, пусть сам приходит. И денег попросил, мы ведь нашли. Освен поворчал и спросил, где ты.

– А ты?

– Сказал, что ты там ждёшь. А что мне ещё было сказать?

Мы присели за бочкой. Я осторожно выглянул из-за угла: Освен стоял спиной к нам, Ремар сидел на прежнем месте.

– Жена как? – спросил Освен.

Ремар ответил не сразу.

– Жива. Дети тоже. Ты это хотел узнать?

– И это.

Звякнули монеты. Я вскинулся, а Брик приложил палец к губам, хотя я ничего не сказал.

– Возьми, – произнёс Освен.

– Это за что?

– Задаток возвращаю. Здесь всё.

– Спустя три года? Не торопился ты.

– Я только сейчас тебя нашёл.

– А тогда подождать не мог?

– Ремар, я за вами посылал.

– Кого?

– Работника.

– Имя у работника есть?

– Он у меня неделю ходил. Я откуда сейчас вспомню?

Ремар что-то положил на скамью. Я услышал стук, потом его голос стал громче:

– К полудню, ты сказал. Помнишь? С вещами к полудню. Мы пришли раньше. На пристани ни тебя, ни твоих бочек не было!

– Там дрались! – ответил Освен. – Мне канат рубить начали!

– А мне с двумя детьми куда было деваться?

Освен не ответил. Брик перестал теребить край рукава. Мы переглянулись; выглядывать из-за конюшни уже не хотелось.

– Как вы выбрались? – спросил Освен уже тише.

– Вдоль реки ушли. Ниже посада лесок есть, там и прятались. Когда всё стихло, вернулись.

– Я не знал.

– Ты много чего не знаешь, – сказал Ремар. – За три года мог узнать, где мы, чем живём!

– Спрашивал. Говорили, вы ушли. Потом дом твой показали.

– Дом сгорел. Я-то никуда не делся!

Некоторое время они молчали. Со стороны конюшни доносилось шуршание метлы.

– Товар довёз? – спросил Ремар.

– Не весь.

– Хоть бочки спас. А нас оставил.

– Не ради бочек я ушёл. Товар ещё с вечера погрузили. Я вас ждал, пока к барке не полезли.

– А я тебе заплатил, чтобы детей вывез. Не бочки!

Освен не ответил.

Я обхватил колени. Надо было деньги сразу просить, как привели Освена! Вдруг сейчас рассердится и уйдёт, а мы останемся ни с чем?

Ремар заговорил тише. Я разобрал только, что детей пришлось нести на руках. Брик сидел рядом, опустив голову.

Потом скрипнула скамья.

– Бери, – сказал Освен. – Я для этого и искал.

Ремар молчал. Я выглянул из-за угла. Деньги лежали на скамье. Он к ним даже не притронулся. Мне хотелось сказать сапожнику, чтобы он забрал деньги. Освен уйдёт, опять придётся искать. Можно ведь взять и всё равно сердиться.

Наконец Ремар придвинул деньги к себе и стал пересчитывать. Брик пихнул меня локтем, и я снова опустился за бочку.

– Всё, – сказал Ремар. – Иди.

Из-за угла показался Освен. Мы с Бриком одновременно выпрямились.

Освен оглядел наше укрытие. Я приготовился объяснять, что мы ничего не слышали, но он только полез в кошель.

– По одному, – сказал он и протянул каждому по медяку.

Я взял свой. Монета была тёплая, с потемневшим ободком. Провёл по нему ногтем и спрятал в карман. Брик свою сразу зажал в кулаке.

– Спасибо, – сказал я.

Освен кивнул и пошёл к выходу.

Я шагнул обратно к проходу и посмотрел на Ремара. Он уже убрал деньги и сидел, упершись локтями в колени. Башмак лежал рядом.

Сверху открылась дверь.

– Ну что там?

– Сейчас, – отозвался Ремар и взялся за работу.

* * *

На улице я остановился, чтобы ещё раз посмотреть на монету. Брик раскрыл ладонь рядом с моей.

– Твоя кривее.

– Зато толще.

Он провёл пальцем по краю.

– Одинаковые.

Мы убрали деньги. Я сунул руку в карман и зажал монету в кулаке: на дне была дырка. Её надо было зашить ещё раньше, но без денег она не мешала.

Освен остановился у дороги, пропуская воз с сеном. Нам к пекарне нужно было через дорогу, и мы подошли к нему. Когда воз проехал, перешли вместе. Очередь у Заречных ворот за это время стала ещё длиннее.

– А Ремар давно здесь работает? – спросил он.

– Не знаю. Бондарь сказал, где его искать.

– Какой бондарь?

Я объяснил. Освен выслушал и спросил, почему мы пошли к нему. Пришлось рассказать, как послали Сива к лодочникам, а утром сами пошли расспрашивать Асту.

– Сив тоже с вами живёт?

– Да.

– Понятно.

У угловой лавки пришлось посторониться: из переулка выехала телега. Я прижался к забору и проверил, не выронил ли медяк. Освен заметил, как я вытащил его из кармана.

– Не потеряй.

– Не потеряю.

От лавки Освену надо было повернуть в переулок вдоль стены, к пристани, а нам идти дальше по дороге к пекарне. Брик уже отошёл на несколько шагов, но Освен окликнул меня.

– Тебя как зовут?

– Терен.

– А тебя?

– Брик.

Освен повернулся ко мне.

– Терен, по реке со мной пойдёшь?

Я решил, что он хочет ещё кого-нибудь найти.

– Куда?

– До следующего города. Потом обратно сюда.

– Зачем?

– Помощник нужен. На берегу сбегать куда пошлю, купить чего, человека позвать. На барке посуду мыть, воду принести. Что не умеешь, покажут.

Брик подошёл ближе. Я посмотрел на него, но он молчал.

– А ваши работники?

– Эти здесь останутся. На погрузку нанимал. Моему парню вчера домой понадобилось, отец слёг. А я сегодня уже ухожу.

Освен отступил к стене, чтобы не стоять посреди улицы. Мы подвинулись следом.

– Тяжести таскать не заставлю, – сказал он. – На то взрослые есть. Но за тобой по пристаням бегать тоже некому.

До следующего города я никогда не добирался. Даже не знал, в какой он стороне.

– А обратно когда?

– Дней через восемь. Может, через десять. Как с товаром управимся.

Восемь дней, а может, десять. Я ещё ни разу так надолго не уходил от наших. Надо будет сказать Мире, чтобы не отдавала мой мешок Келю.

– Кормить будете?

– Буду. Из общего котла. Спать под навесом на корме, там сухо. Рогожу дадим.

– А платить?

– Шесть медяков за дорогу туда и обратно. Когда вернёмся.

Я прижал руку к карману. У меня был один. Шесть – это по такому каждому из наших, и всё время в дороге ещё кормят.

– А если дольше десяти дней? Всё равно шесть?

Освен посмотрел на меня внимательнее.

– Сверх десяти дней по медяку за день. Если из-за меня. Если тебя искать придётся, ничего не получишь за этот день.

Брик шмыгнул носом. Он стоял, засунув руки в рукава, и ждал, что ещё скажет Освен.

Вспомнился сапожник: «К полудню, ты сказал». Я хотел спросить, не уйдёт ли барка без меня, пока я бегаю по чужому городу.

– Подумай, – сказал Освен. – Только недолго. До отхода надо собраться. Если пойдёшь, приходи к тому складу, где доски брали.

Освен поправил куртку на перевязанном запястье. Над крышами в стороне пристани покачивался кончик мачты. Я повернулся к Брику.

– А вдвоём можно?

Глава 3

– Нет, – сказал Освен. – Мне один нужен.

– Мы бы быстрее всё делали.

– У меня один парень ушёл, ему и ищу замену.

Я посмотрел на Брика. Он разглядывал колесо телеги у стены.

– Можно шесть на двоих, – предложил я.

Брик сразу повернулся ко мне, но Освен уже качал головой.

– Дело не в деньгах. Двух новичков учить некому. Одного возьму, больше не проси.

Освен посмотрел в переулок, откуда донёсся крик грузчиков.

– Решай, Терен. Только до полудня приходи, мы уже догружаемся.

Освен свернул в переулок вдоль стены, к пристани. Я смотрел ему вслед, пока его не закрыла выехавшая со двора телега.

– Ты за меня-то чего решаешь? – спросил Брик.

– Что?

– Шесть на двоих. Может, я за три не хочу.

– Так ты бы сказал.

– Когда? Ты уже всё предложил!

Он направился к пекарне. Я догнал его, но снова заговорить решился только у Астиного окошка.

Впереди стояли две женщины. Одна щупала буханку через тряпку, потом попросила другую. Я вытащил медяк и ждал, пока она выберет.

– Я бы сходил, – сказал я Брику. – Один раз.

– К нему? После того, что сапожник рассказал?

Я покрутил монету между пальцами. Жалко было сразу отдавать, но из пекарни тянуло тёплым хлебом.

– Нам он заплатил. И доски дал.

Брик наклонился ко мне.

– А того с детьми бросил. Ты сам слышал.

Я зажал монету в кулаке. Женщина впереди наконец выбрала хлеб и теперь рылась в кошельке.

– Там дрались, – сказал я тише. – Он объяснил.

– Как же. Всё объяснил.

– И деньги вернул.

– Ага. Через три года. Тебе тоже вернёт.

Я представил, как прихожу за шестью медяками, а Освен уже не помнит, кто я такой. У него новый мальчишка, и тот даже к барке меня не пускает. Я передёрнул плечами.

Очередь подвинулась. Аста увидела нас и потянулась к решету.

– Нам купить, – поспешно сказал я и положил монету на прилавок.

– Половину вчерашнего дам, – сказала Аста. – Свежего на это мало будет.

– Давайте вчерашнего.

Аста отрезала от большого каравая, взвесила кусок на ладони и протянула мне. Корка была целая, только с одного края прилипло немного муки. Я принял хлеб обеими руками.

Брик свой медяк не достал.

Мы отошли к забору. Я отломил от края, подал ему и сам впился зубами в корку. Она плохо поддавалась, зато внутри хлеб был мягкий.

– Я его привёл, – буркнул Брик, глядя на свой кусок. – А ехать тебе.

– Так ты же не хочешь!

– Это он не хочет!

Я перестал жевать.

Брик откусил от корки и отвернулся. Я посмотрел на оставшийся хлеб. Если бы мы оба пошли, его можно было бы целиком отнести нашим: на барке всё равно накормят. А теперь Брику завтра снова идти по дворам, и послезавтра тоже.

– Не пойду тогда, – сказал я.

Он покосился на меня.

– Ты же хотел.

– Хотел. Но если ты...

– Я сказал, за меня не решай. А не чтоб ты оставался.

Он доел свой кусок и вытер пальцы о куртку. Я отломил ещё немного, но есть не стал.

– Шесть медяков привезу, – сказал я. – Нам бы ещё одно одеяло найти. Не в дырках.

– Сначала привези.

Я завернул хлеб в полу куртки, стараясь не прижать к грязному боку.

– Про еду спроси. Сколько раз дают.

– Он сказал, из общего котла.

– Вот и узнай. А то взрослые утром поедят и до вечера им хватит, а тебе нет.

Я кивнул. Если до вечера опять ходить голодным, зачем тогда уезжать?

– Схожу один раз, – повторил я. – Посмотрю. Если плохо, больше не пойду.

– Только назад с ним возвращайся. Сам дорогу не найдёшь.

– Обязательно вернусь.

Брик отлепил от рукава крошку и сунул в рот.

– Тогда пошли. А то уплывут, пока ты собираешься.

* * *

От пекарни мы спустились проулками к реке. Брик шёл впереди; у рыбного ряда он подождал меня, пока я поправлял завёрнутый в куртку хлеб.

В красильне нашлась только Мира. Она сидела внизу, возле погасшего очага, и вытряхивала из башмака рыбью чешую. Нелу взяли мыть кадки до вечера, а её прогнали: на двоих работы не было.

Я положил хлеб на чистую сторону мешка, который она расстелила возле себя.

– Купили?

– Купили. Ремара нашли.

Мира взяла хлеб, но откусить не успела.

– Я с Освеном поеду, – сказал я. – По реке. Дней на восемь. Шесть медяков дадут и кормить будут.

Она опустила руку.

– Когда?

– Сейчас.

– А Брик?

– Брик здесь.

– Одного берёт, – отозвался Брик от двери.

– Далеко? – спросила Мира.

– До следующего города. Он обратно пойдёт, меня привезёт.

– Какого города?

А вот этого я не спросил.

Брик присел у стены.

– Вот это тоже узнай.

Я подтянулся на руках до нижней уцелевшей ступеньки и полез наверх. Под коленом кольнуло: вчерашняя ссадина мешала сгибать ногу.

Под крышей было светло. Наши доски держались, а мешок, на котором я спал, лежал на прежнем месте.

Мешок я решил оставить: в дороге обещали дать рогожу. Одеяло тоже было общее. Его край всё ещё держал шнур, который Брик вчера привязал к гвоздю.

За балкой лежала тряпка для обмотки ноги и гладкий камень, которым мы забивали гвозди. Я взял и то и другое. Камень удобно ложился в ладонь. Если в чужом дворе кинется собака, будет чем отогнать. Я сжал его, примерился и завернул в тряпку.

Внизу Мира уже ела хлеб. Я взял одну из четырёх ложек возле очага.

– Эту можно?

Мира посмотрела на оставшиеся ложки и протянула руку.

– Оставь, а? Нам и так по очереди есть. Там, небось, найдут чем тебя накормить.

Я нехотя отдал ложку и завязал концы тряпки вокруг камня. Узелок вышел совсем маленький. Больше брать было нечего, но я всё ещё не уходил. Попросил не отдавать мой мешок Келю.

– Он на своём спит.

– На моём суше.

– Ну и что, пусть твой пустой лежит?

– Только чтобы вернул потом.

Я хотел сунуть узелок в карман и вспомнил про дыру. Медяк потратил, а дырка никуда не делась.

– Мир, зашьёшь?

Она доела кусок, вытерла пальцы и протянула руку за штанами.

– Снимай.

– А так нельзя? Пока сниму, пока надену...

– Мне с изнанки надо. Снимай уже.

Пришлось раздеваться. Я сел на мешок, натянул куртку на колени и отдал Мире штаны. Она достала иглу из лоскута и прикинула, хватит ли нитки.

Брик наблюдал из дверей.

– Так и побежишь, – хмыкнул он. – Догонять.

Я показал ему кулак. Он засмеялся, и мне стало легче. До этого всё казалось, что он сердится и только ждёт, когда я наконец уйду.

– Держи, – сказала Мира.

Я поспешно натянул штаны и проверил карман. Дыра исчезла, зато пальцы теперь не проходили до самого дна.

– Маленький стал.

– Шесть медяков влезут, – отмахнулась Мира и убрала иглу.

Я забрал узелок. Мира отщипнула ещё кусок хлеба, остальное завернула в мешковину.

– Нашим оставлю. Сама скажу, куда ты делся.

У выхода я остановился. Уходить было страшно. Пока Мира возилась со штанами, можно было просто сидеть и никуда не торопиться. Теперь всё было собрано, а я всё равно искал, что ещё сказать.

– Если через восемь дней не вернусь, он говорил, может, через десять.

– Я поняла, – тихо ответила Мира. Она всё ещё держала свёрток с хлебом, хотя давно его завязала. – Только ты сразу сюда приходи. Как вернёшься.

– И там кормят.

Мира попыталась улыбнуться.

– Ну и хорошо. Хоть поешь.

Брик потёр нос и посмотрел на дверь. Ему, похоже, тоже стало неловко.

– Пошли уже, а то правда опоздаешь.

Он взял меня за рукав, и на этот раз я пошёл следом.

* * *

К складам пошли вдоль берега, мимо рыбного ряда и весовой. Над крышами показались башни у моста; пристань Освена была ближе, до них идти не пришлось.

У склада оставались две бочки. Грузчики уложили одну на маленькую тележку и повезли к воде. Мы обогнули их и остановились возле сходни.

Барка казалась большой. Посередине под натянутой грубой тканью лежали тюки, между ними и бортами оставались проходы. На корме устроили низкий навес. Из-под него торчали чьи-то ноги.

Освен стоял у сходни и спорил с мужчиной о погрузке. Увидев нас, он поднял палец: подождите.

Я остановился. Брик ткнул меня локтем.

– Про еду.

– Помню.

– И куда.

– Да помню я!

Мужчина ушёл, недовольно сопя. Освен повернулся ко мне.

– Решил?

Я кивнул.

– Вещи где?

Я поднял узелок.

– Это всё?

– Тут тряпка, – ответил я. Про камень говорить не хотелось. Засмеёт ещё.

– Хорошо. Иди на борт.

– А куда мы плывём?

– В Дорн. Вниз по реке. У Нижних мельниц остановимся на ночь, если до темноты дойдём. Что ещё?

– Вы утром кормите?

– Утром и вечером всегда. Днём хлеб есть. Скажешь Дагану – он отрежет.

Про еду спросил, про город тоже. Оставалось самое неприятное. Освен уже поглядывал на сходню, и я выпалил, пока он не ушёл:

– А если я на берегу останусь?

– Зачем?

– Вы меня пошлёте. Я вернусь, а вас нет.

Освен посмотрел на Брика, потом опять на меня.

– Если сам послал, дождусь, – сказал он. – Только ты без спросу не уходи. Вернулся, сразу ко мне, чтоб я знал, что ты на борту.

– А если вас на месте не будет?

Он оглянулся через плечо.

– Даган!

Ноги под навесом шевельнулись. Оттуда выбрался худой мужчина в жилете поверх толстой рубахи. Он вытер ладонью лоб, оставив на нём тёмную полосу.

– Чего?

– Вот Терен. Пока вместо Лута пойдёт. Покажешь ему всё.

Даган подошёл к сходне. Борода у него была короткая, с седыми волосками возле рта. На меня он посмотрел не очень-то приветливо.

– Тощий он какой-то.

– Лут таким же был, – отмахнулся Освен. – Покажешь, что делать. С мешками его не гоняй.

Потом снова повернулся ко мне.

– Меня нет, к Дагану идёшь. Он на барке остаётся. Сам по берегу искать меня не бегаешь. Уяснил?

Я кивнул. Хотелось верить, что теперь не забудут. Даган протянул руку за моим узелком.

– Давай. И лезь.

Брик подвинулся, пропуская грузчика. Я стоял, пока тот вёз бочку по сходне. Под колёсами тележки доски прогибались, барка тихо скрипела о пристань.

– Ты приходи сюда, – попросил я Брика. – Через восемь дней.

– Приду.

– Если меня нет, ещё через два.

– Слышал я, – буркнул Брик, но тут же добавил: – Приду, Терен. Куда денусь.

Грузчик вернулся с пустой тележкой, и Даган велел мне поторопиться. Я ступил на сходню. Барка чуть отошла от пристани, доски под ногами сдвинулись. Я замер, растопырив руки.

Даган закатил глаза.

– Не стой. Давай руку.

Он ухватил меня за запястье и помог шагнуть на борт.

Он вернул мне узелок и велел убрать из прохода ведро. Я сунул узелок за пазуху, чтобы освободить руки, а ведро переставил к тюкам.

– Туда, – Даган указал под скамью. – Здесь ногой сшибут.

Когда я справился, Освен уже был на борту. Один из лодочников отталкивался шестом, другой выбирал мокрую верёвку. Сходню утащили на берег.

Брик стоял на краю пристани. Я поднял руку.

– Сиву скажи!

– Что?

– Что…

Я не придумал, что именно. Просто не успел с ним попрощаться.

– Мира скажет! – крикнул Брик.

Он прошёл вслед за нами до конца мостков. Дальше начиналась вода. Я ещё махнул ему, но пришлось отступить: Даган тащил мимо длинный шест.

– К борту не прижимайся. Встань у навеса.

Оттуда Брика уже закрывали тюки. Я хотел обойти их с другой стороны, но лодочник позвал Дагана, тот сунул мне в руки свёрнутую верёвку и велел держать.

Пока я держал верёвку, пристань осталась позади. Брика за тюками уже не было видно, а я всё смотрел туда и никак не мог отвернуться.

* * *

За последними причалами ветер стал холоднее. Дома уже не прикрывали нас, и я, зажав верёвку под мышкой, застегнул куртку до самого горла. Мост остался позади. По левую руку тянулись сараи рыбного ряда, за ними показалась обломанная труба красильни.

Я поискал нашу крышу, но за сараями её было не разглядеть. Мира сейчас, наверное, ещё сидела у очага. Можно было крикнуть, но она бы не услышала.

Нас было пятеро. Освен сидел возле кормы. За длинное рулевое весло держался широколицый мужчина в надвинутой на уши шапке; другой, моложе, убирал шесты. Даган присел возле мачты и принялся распутывать верёвку, которую я всё ещё держал.

– Клади сюда.

Я опустил верёвку на доски. Даган уложил несколько ровных колец и передал мне конец. Я попробовал так же. Петли вышли кривоватыми, но он только кивнул и занялся другой верёвкой.

Молодой лодочник поднял небольшой парус. Ткань долго хлопала, потом натянулась. Барку качнуло. Я схватился за край тюка, и Даган тут же убрал мою руку.

– За стойку держись! Тюк сдвинешь – ноги придавит.

Он провёл меня под кормовой навес. Там лежали свёрнутые подстилки и стоял сундук. Между ним и бортом оставалось место, где я мог лечь, поджав ноги.

– Здесь ляжешь. Рогожу вечером дам. Узел положи рядом.

Я достал узелок из-за пазухи и наклонился к сундуку, выбирая щель посуше. Даган придержал крышку ладонью.

– Снаружи. Тут чужое.

Я насупился и положил узелок на доски. Да не собирался я ничего открывать! Только место выбирал. Даган ещё раз проверил застёжку сундука и повёл меня к мачте.

Он сдвинул короткую доску настила. Внизу блестела вода.

Я присел у отверстия.

– У нас течёт?!

– Понемногу, – спокойно ответил он. – И дождя набралось, пока грузились. Видишь, неглубоко. Вычерпай в ведро, потом позови, я вылью.

Даган достал плоский деревянный черпак. Я опустился на колени, но он придержал меня за плечо.

– Под настил не лезь. Отсюда достанешь.

Он показал, куда поставить ведро. Черпаком следовало скрести почти по самому дну. С первого раза я набрал воды всего на два глотка, со второго зачерпнул больше и половину пролил мимо.

– Ведро ближе придвинь, балда!

Я придвинул ведро. Даган постоял, пока я не перестал лить воду мимо, и отошёл к Освену.

От воды пахло прелым. На одном колене долго не просидишь, а другое саднило после вчерашнего. Я повозился и в конце концов уселся боком, вытянув больную ногу.

Когда вода почти перестала набираться в черпак, я позвал Дагана. Он отнёс ведро к борту и выплеснул содержимое. Я следил, как он стоит: ноги широко, одним коленом упирается в дерево.

– Потом сам будешь выливать, – заметил он, перехватив мой взгляд. – Сначала к качке привыкни. Не хватало ещё тебя из реки вылавливать.

Остатки воды я собрал тряпкой. Даган ощупал дно и разрешил закрыть настил. Я уложил доску на место и разогнул затёкшую спину.

Пока я работал, крепость скрылась за поворотом. По одному берегу тянулись огороды, по другому стояли голые деревья. На воде покачивался жёлтый лист. Он плыл рядом с нами, то отставая, то снова нагоняя.

Я попробовал представить дорогу обратно. Пока шли огороды, можно было держаться реки. Дальше к воде спускался глинистый откос, и я не знал, как его обходить. Хорошо, что Брик этого не видел. Опять сказал бы, что я даже не знаю, куда собрался.

Даган окликнул меня и протянул четыре деревянные миски. Рядом поставил ведро речной воды.

– Сядь сюда, обмой. За борт не тянись.

Я взял первую миску. Под краем присохла каша; ногтем она отставала плохо. В красильне мы бы такую ещё по кругу пустили, пока не выскребли.

* * *

За кормовым навесом стоял железный ящик на кирпичах. Даган разгрёб тлеющие угли, поставил горшок и подлил воды в густую кашу. Я держался подальше: деревянный борт был

совсем рядом, а от ветра угли разгорались. Хлеб принёс тот лодочник, который поднимал парус. Я косился на горшок и ждал, не велят ли заняться чем-нибудь ещё.

– Ложка есть? – спросил Даган.

– Дома оставил. У нас на всех четыре.

Даган порылся в сундуке и достал ложку с потемневшей ручкой.

– Этой ешь.

Я взял ложку и провёл пальцем по краю. Целая. Мира оказалась права. Пахло разогретой кашей и салом, и я уже жалел, что не попросил хлеба сразу, как поднялся на барку.

Освен отнёс первую миску рулевому и принял у него весло. Тот сел на скамью и стал есть. Молодой лодочник получил свою миску и устроился прямо на досках.

– А ты пока из ковша поешь, – Даган заглянул в сундук. – Лут свою миску забрал.

Он достал из сундука деревянный ковш с короткой ручкой, ополоснул и наложил туда каши. Сверху положил кусочек сала. Потом наполнил две оставшиеся миски, одну взял себе, другую оставил для Освена.

Даган показал мне место возле сундука, где я никому не мешал. Я сел, поставил ковш на колени и зачерпнул сразу полную ложку. Каша обожгла язык. Я кое-как проглотил, часто задышал ртом и на следующую ложку уже подул. Сало сунул за щёку, чтобы подольше осталось.

Каша закончилась слишком быстро. Я выскреб ковш и облизал ложку. В горшке ещё оставалось, а миска для Освена уже стояла отдельно. Я посмотрел на Дагана. Тот отрезал хлеб и протянул мне.

– А ещё каши можно? – попросил я, придвигая ковш.

– Давай сюда, – Даган потянулся за половником.

Добавил немного, но хватило, чтобы перестать торопиться. Хлеб я ел уже медленно. Крошки сыпались на куртку; я собирал их пальцем, а Даган вытер нож и убрал за пояс.

Последний кусок я хотел оставить на потом. Уже спрятал в карман, но заметил, что Даган смотрит.

– Это мой, – поспешно заверил я и прикрыл карман ладонью.

– Вижу. Не раскроши только.

Он собрал пустые миски. Я развернул свой узелок, оставил камень возле сундука и вытряхнул тряпку за борт. Хлеб завернул чистой стороной внутрь и убрал обратно в карман. Теперь тот оттопыривался, зато я знал, что в нём есть еда.

Когда все поели, он дал мне горшок. Каша присохла у дна.

– Залей, пусть отмокает. Ножом не скобли.

Я налил воды и поставил горшок под скамью. Пока он отмокал, можно было посидеть. Впервые за день не хотелось прикидывать, где взять следующую корку. Хотелось только, чтобы завтра кормили так же.

Я вымыл посуду, и Даган позвал крепить полотнище над грузом. Выдал шило и показал, как раздвинуть остриём нити вокруг старого отверстия, чтобы продеть шнур. Я возился с тканью, а он пропускал шнур и следил, куда я ставлю остриё.

Когда закончили, я положил шило на доски, чтобы подержать узел. Даган сразу поднял его.

– В руки возвращай. Тут положишь, потом не найдём.

Он убрал шило в чехол на поясе. Вот ведь, только положил! Хотя если бы оно закатилось под тюк, первым делом спросили бы с меня.

Шнур затягивать я уже умел. Затянул, подёргал край полотнища и показал Дагану. Тот тоже потянул и велел подержать следующий угол.

* * *

К Нижним мельницам мы подошли, когда солнце уже опускалось за деревья. Я сперва услышал тяжёлое плесканье, потом увидел колёса возле длинных строений на берегу. Вода проходила под ними белыми полосами.

Барку направили к сваям ниже по течению. У пристани стояло ещё одно судно, выше нашего и с закрытой будкой на корме. Между ним и берегом едва помещалась лодка. На досках толпились люди.

– Не сюда! – закричал человек в кожаном переднике. – К нижнему концу становись!

Освен подошёл к борту.

– У меня выгрузка!

– А мне куда деваться? Места нет!

– Вы же к обеду уйти должны были!

– Муку не довезли. Вон последнюю телегу жду. Становись ниже, там свободно!

Человек махнул вдоль пристани. Молодой лодочник уже подхватил шест, а Даган оттеснил меня под навес.

– Посиди здесь. Сейчас затопчут.

Я сел на сундук и убрал ноги. Барка стукнулась о толстый брус, подвешенный вдоль пристани. Сверху посыпалась труха. Рулевой выругался, Даган бросил верёвку на берег. Её поймали.

Когда мы перестали двигаться, я встал. До пристани теперь можно было дотянуться рукой, только она была выше борта. Молодой перебросил доску и полез первым.

Освен поднялся за ним, потом обернулся ко мне.

– Терен, останешься на барке. Даган, я узнаю насчёт выгрузки.

Я и не собирался уходить. Ноги ныли, а под навесом уже расстелили рогожу. Хотелось хоть немного полежать.

Освена окликнули с большого судна. Он ответил, потом вместе с молодым лодочником пошёл к мельнице. Рулевой остался на корме, возился с фонарём.

Даган откинул полотнище возле мачты и вытащил за верёвку два тюка. Меньший был с подушку, только тугой и почти квадратный, второй – подлиннее. Оба обёрнуты грубой тканью. Даган подхватил меньший под мышку и перенёс ближе к борту, потом поставил рядом второй.

– Это здесь оставим? – спросил я.

– Здесь. Шерстяная ткань, для здешнего лавочника. Остальное в Дорне выгрузим.

Он поправил верёвку на меньшем тюке, потом взял с полки мой ковш. Провёл пальцем возле ручки и протянул мне.

– Вот тут ещё отмой.

Я забрал ковш. Вот ведь пристал! Там и осталось-то всего ничего.

Даган взял моток верёвки и пошёл к носу поправлять привязь. Я принёс ведро из-под навеса, поставил возле приготовленных к выгрузке тюков и присел оттирать кашу.

На пристани загрохотали колёса. Подъехала телега с мешками, и люди с соседнего судна принялись перекрикиваться с возницей.

Сверху стукнули по борту.

– Малой!

Я поднял голову. На пристани стоял мужчина в коротком коричневом кафтане. Край рукава у него был белый от муки. Он наклонился, держась за сваю.

– Освен велел товар забрать. Подай-ка этот, поменьше. Второй потом возьмём.

Он указал на квадратный тюк. Освен как раз ушёл узнавать про выгрузку. Значит, договорился.

Я опустил ковш в ведро и взялся за верёвку. Подтянуть тюк к борту удалось легко, а когда попробовал поднять, верёвка больно врезалась в пальцы. Пришлось подхватить снизу второй рукой.

Мужчина присел на корточки и потянулся ко мне.

– Выше давай, перехвачу!

Я прижал тюк к животу и выпрямился. Ещё немного – и он достанет. Не звать же Дагана из-за такой мелочи. Опять скажет, что тощий.

– Ну! – Мужчина поманил рукой. – Ещё чуть!

Я поднял тюк до груди. Ладонь соскользнула с грубой ткани, верёвка дёрнула пальцы. Удержать я уже не смог.

Тюк упал на край ведра. Оно с грохотом опрокинулось, ковш вылетел и застучал по доскам. Вода плеснула мне на ноги и растеклась под груз.

– Ты чего там творишь?! – рявкнул Даган.

Я отскочил и уставился на мокрую обёртку. Вот теперь точно влетит.

– Подними! – торопливо велел мужчина. – Давай вместе.

Но Даган уже обходил груз. Бросил верёвку на доски, отодвинул меня плечом и поднял тюк из лужи.

– Куда потащил?

– Освен велел отдать, – выпалил я. – Я поднял, а он…

– Кто велел? – Даган посмотрел на мужчину.

Тот выпрямился.

– Освен. К Лавру пошёл, сказал пока забрать. Я малому говорю: подай. А он уронил.

Я сжал саднящие пальцы. Сам же торопил!

Даган поставил тюк на сухое место и повернулся к корме.

– Руд! Сходи за Освеном, пусть подойдёт.

Рулевой отложил фонарь и встал. Мужчина оглянулся на мельницу.

– Да чего его гонять? Они там считают ещё. Давай я сам схожу.

Он уже отступал от края пристани, но продолжал говорить:

– Вы тут пока вытрите. Я сейчас, мигом.

Не дожидаясь ответа, он обогнул телегу. По ту сторону мелькнул коричневый кафтан: мужчина шёл быстро, почти бежал. Руд остановился у сходни и проводил его взглядом.

Я поднял ведро. Хотелось поскорее вытереть воду, пока она не добралась до остальных тюков. Даган всё ещё смотрел на пристань.

– Освен тебе сам велел?

– Он сказал… – Я кивнул туда, где скрылся мужчина.

– Я про Освена спрашиваю.

Я замер с ведром в руках. Кажется, дело было уже не в том, что я всё залил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.